

Научная статья

УДК 37.013.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11008

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ДИСКУРС МИКРОФОРМАТОВ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА¹

Артур Александрович Дыдров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, zenonstoik@mail.ru

Аннотация. Объектом статьи являются микроформаты (мемы, short stories, gif-файлы и др.) в качестве набирающего популярность Интернет-контента. Сделан концептуальный срез микроформатов с опорой на онтологию постструктурализма. В статье мемы, gif-файлы и пр. рассматриваются как конфликтогенная, «вирусная» информация. Сделан вывод о том, что микроформаты являются реагентами событий и, в частности, конфликтных ситуаций. Автор также утверждает, что «миниатюрный» Интернет-контент осуществляет не менее значимые функции интерпретации событий и фейкмейкинга (фактически создают событие). В условиях смысловой дифракции, концептуализированной еще в философии структурализма и постструктурализма, перманентных конфликтов любого уровня, интенсификации суггестивных практик, мемы и другие сгустки «миниатюрной» информации должны быть не только педагогическими инструментами для формирования интереса к обучению (педагогический ракурс), но и особым, самостоятельным объектом для аналитики и изучения в образовательной среде.

Ключевые слова: Интернет, мемы, микроформаты, gif-файл, множественность, дифракция

Для цитирования: Дыдров А. А. Конфликтогенный дискурс микроформатов современного медиапространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). Философские науки. Вып. 66. С. 62—66. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11008.

Original article

CONFLICTOGENIC DISCOURSE OF MICROFORMATIONS OF THE CONTEMPORARY MEDIA

Artur A. Dydrov

South-Ural State University, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zenonstoik@mail.ru

Abstract. The object of the article is microformats (memes, short stories, gif-files, etc.) as an increasingly popular Internet-content. A conceptual view of microformats based on the ontology of post-structuralism. In the article memes, gif-files, etc. are considered as conflict-generating, «viral» information. It is concluded that microformats are reactants of events and, in particular, conflict situations. The author also argues that «miniature» Internet content performs no less significant functions of interpreting events and fake-making (actually creating an event). Under the conditions of semantic diffraction, conceptualized in the philosophy of structuralism and post-structuralism, permanent conflicts of any level, intensification of suggestive practices, memes and other bundles of «miniature» information should be not only pedagogical tools for generating interest in learning (pedagogical perspective), but also special, an independent object for analytics and study in the educational environment.

Keywords: Internet, memes, microformats, gif-file, multiplicity, diffraction

For citation: Dydrov AA. Conflictogenic discourse of microformations of the contemporary media. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(10(468):62-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11008.

¹ Работа выполнена при поддержке российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

© Дыдров А. А., 2022.

Введение

Онтологическая и сопряженная с ней гносеологическая проблематика единого и множественного, очевидно, не связана исключительно с постмодернистским мейнстримом и на определенном уровне решалась задолго до возникновения концептов номадологии, интертекстуальности и дифракции. В частности, итальянский философ П. Вирно в «Грамматике множества» ссылается на контрарные позиции Спинозы и Гоббса по социально-политической проблематике и соответствующую демаркацию концептов народа и множества [3. С. 10-11]. «Народ», как известно, понятие национального, территориального и идеологического устройства, обеспечивающего синтезирующее единство: «русский», «российский», «народ своей страны», «народ и партия едины» и т. д. «Multitudo» (концепт П. Вирно), напротив, не предполагает такого единства и вместе с тем не является промежуточной формой — она есть буквально и тавтологически существование многих как многих. Множественность на категориальном уровне фиксирует потенциально бесконечные различия любых порядков во всех условно выделенных сферах общественной жизни. Разумеется, сложившееся положение вещей характерно и для культуры с присущей этой сфере множественностью интерпретаций, интертекстуальностью, перманентным приростом мира идей и вещей. Интернет-технологии и, собственно, сама сеть катализировали не поддающиеся традиционной фиксации в терминах прироста («экспоненциальный», «логистический»), процессы информационной эксплозии и дифракции (спонтанного, хаотического распространения). Во второй половине прошлого века информационное расширение было схвачено отдельными авторами — Хайдеггером в 50-х («Отрешенность»), Тоффлером и Маклюэном в 60-х и т. д. Однако, они ориентировались на «исторические» и утратившие монополию медиаканалы. Сеть имела преимущество хаотического, фактически бесконтрольного распространения, пределы которого отнюдь не конституировались (в XXI веке это очевидно) земным шаром. Вспоминая оценку Хайдеггера («сегодня познание всего и вся доступно так быстро и так дешево...») [4. С. 103]), можно охарактеризовать стоимость современной сетевой информации как демпинговую, или «сверхдешевую». Не случайно массовизация и доместизация Интернета вызвала энтузиазм многих оптимистически настроенных интеллектуалов: одни считали, что сеть является результирующей радикального свободомыслия и обеспечивает сецессию из мира «утомленных гигантов из плоти и стали» (Барлоу [2. С. 349]),

другие видели в сети условия для технологического скачка от капитализма к кибернетическому коммунизму (Барбрук [1]). Сеть — это особый топос, вмещающий фактически и потенциально статистически не охватываемое множество данных, связей и отношений. Авангардом информационной революции, маркера нашего времени, является не только перманентный прирост информации (напомним, не фиксируемый в традиционных терминах), но и интенсификация элементарной бинарной связи запроса — ответа, сжатой во времени до нескольких секунд. Контент, восприятие которого требует усилий, уступает в востребованности «миниатюрному» контенту, встроенному во все Интернет-топосы.

Теоретические основания и методология

Теоретические основания и методология исследования микроформатов неразрывно связана с дискурсами структурализма и постструктурализма, непосредственно работавших с языком и различными (в том числе перформативными) способами выражения. Для Интернет-микроформатов характерна смысловая дифракция (Р. Барт) и ориентация на мгновенные эффекты (аффектация, эмоциональность), миниатюризация (восприятие требует сравнительно малых усилий, схватывается «сразу»). Концептуально тренд был выражен футурологами (Бестужев-Лада, «миниатюризация инноваций»; М. Пенн и К. Залесн — «микротенденции»). Некогда маргинализованные и спорадически возникающие микроформаты со временем образовали мейнстрим, то есть фактически превратились в культурный тренд. Миниатюризация и «спонтанность» появления, проще говоря, краткая жизнь многих микроформатов, неразрывно связана с их потенциалом: ориентация на мгновенное впечатление, низкий порог вхождения, зачастую функционирование в контексте фэйк-индустрии (М. Фуко, Ж. Бодрийяр), работа в качестве интерпретативного и откровенно симулятивного пропагандистского микромеханизма. В качестве инструментария микроформатов в контексте Интернет-среды адекватен контент-анализ, исследование поисковых запросов, методология семиотики. Исследовательские проблемы возникают уже на этапе сборки и кодификации материала, который рассеян в сети и спорадически возникает на самых различных платформах и сайтах. Работа с сетью затруднительна без big data-аналитики, а также без специального инструментария для сбора и анализа поисковых пользовательских запросов. Наиболее распространенными и простыми из инструментов являются, например, Google Trends и Yandex WordStat.

Результаты и обсуждение

Стратегии (психологические, когнитивные, социальные, культурные) мышления и поведения в условиях перманентного и гиперактивного информационного прироста еще предстоит изучить. Столь же очевидно, если использовать концептуальную рамку П. Вирно, что знание «грамматики» множественности находится сегодня на повестке дня среди образовательных трендов. В научно-исследовательском дискурсе «грамматика» может носить варьирующиеся наименования, например, популярное «Internet skills» [9; 5; 7]. В сущности, исследовательская тактика зачастую сводится к кодификации некоторого числа умений и навыков и сопровождается декларацией о важности и даже необходимости практической реализации этого спектра в системе образования. В качестве иллюстрации процитируем мысль О. Miliou и С. Angeli: «... использование этих технологий [Интернет-технологий — здесь и далее прим. авт.] ограничено и может не охватывать в достаточной мере знания и навыки, необходимые для эффективного выполнения Интернет-деятельности в высшем образовании. Кроме того, знакомство [студентов] с цифровыми устройствами и инструментами качественно различается. Следовательно, высшим учебным заведениям необходимо ликвидировать разрыв в формировании навыков» [7. P. 1359].

В контексте конфликтных ситуаций с перекрестным действием агентов (политические структуры, социальные институты, общественные движения, индивиды) тренд множественности мнений имеет двоякое значение: с одной стороны, возникает широкий спектр идей, препятствующий переходу от тотализации какого-либо определенного мнения (расширению сферы воздействия) к тоталитаризму (монополии идеи и обслуживанию карательными структурами); с другой стороны, «шум», то есть одновременное функционирование различных агентов, существенно затрудняет любые попытки конструктивного диалога.

Обобщая результаты анализа (в границах рабочей задачи), можно обозначить три основных качества микроформатов. Разумеется, по мере углубления исследования выделяемых качеств будет на порядок больше: 1. Микроформаты как *реагенты* событий; 2. Микроформаты как *интерпретаторы* событий; 3. Микроформаты как *создатели* событий.

Первое качество непосредственно связано с оперативностью и интенсивностью возникновения микроформатов. Оно фиксирует сравнительно высокую скорость их появления и циркуляции. Следует оговориться, что цикл жизни микрофор-

мы может быть очень кратким, хотя это, разумеется, не общее правило. Когда мы ссылаемся на сравнительную степень, это означает, что микроформаты интенсивно циркулируют в пространстве медийности в отличие от «монументальных» культурных практик (фильмы, просветительские лекции и т. д.). Последние аккумулируют социальный и культурный опыт, ссылаются на массив источников, подвергаются проверкам на обоснованность, опосредуются совокупностью сложных технических операций и процедур и т. д. Микроформат зачастую технически прост и реализуем в домашних условиях. Сравнительная простота реализации микроформатов обуславливает трудно измеримую, беспрецедентную частотность их появления. Возникает ощущение, что фактически любое событие (причем не важно, с участием медийных лиц или без участия таковых) мгновенно репрезентируется. 5 мая 2022 г. (в 12:28) была опубликована новость о задержании в Испании украинского политика и блогера Анатолия Шария по обвинению в государственной измене и разжигании вражды. 5 мая на Интернет-сайте lux.fm появилась статья «Мемы о задержании Анатолия Шария, которые греют душу» (16:17). В 17:21 публикуется рерайт-материал о задержании блогера и о том, что украинцы высмеяли это событие мемами.

Выступая в качестве интерпретаторов события, микроформаты фиксируют оценки события и содержат коннотативные надстройки, ориентированные на преломление взгляда потребителя Интернет-контента. Мем-индустрия сопровождала событие ареста блогера многочисленными коннотациями. В частности, появился мем с кадром из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию», запечатлевшим телефонный звонок А. С. Шпака: «Алло, это СБУ? Мой сосед ставит лайки Шаррию». Тот же посыл несут мемы с шокированным Дуэйном Джонсоном, обернувшимся к пассажиру автомобиля («Ты что, правда лайкнул Шаррия?») и задумчивым Чаком Норрисом («Как же Шаррию лайк поставить и IP не спалить?»).

Микроформаты выступают и качестве фейкмейкеров, «достраивая» случившееся «постфактум» или буквально изобретая событие. В частности, арест блогера сопровождался кластером мемов, прямо указывающих на педофилию и содержание заключенного в колонии. Этот «особый» кластер мемов характеризуется обилием ненормативной лексики, сцен насилия и т. д., поэтому мы не можем сослаться на конкретные примеры. Фейкмейкинг — одна из мощнейших и противоречивых функций микроформатов, определяющих общую направленность интернет-мейнстрима. По

существованию, это оборотная сторона стремительной реакции на событие и интенсификации интерпретационных механизмов. Навыки декодирования продукции фейк-индустрии сегодня находятся в повестке дня. Это должно быть не столько специальное знание, предваряемое особой инициацией, сколько образовательный тренд, прагматически ориентированный на каждого человека.

Заключение

Интенсивность распространения, высокая скорость появления и лаконичность делают микроформаты удобным и эффективным инструментом для демифологизации и критического мышления. Например, в недавнем исследовании Интернет-мемов содержался следующий аргументированный вывод: мемы выступают в качестве инструментария для декодирования манипулятивных техник средств массовой информации. В мемах обнажается избирательность СМИ в подаче информации (часть информации намеренно скрывается), словесные игры (игра с многозначностью, абстрактностью и т. д.), умелое использование эмоций аудитории и т. д. [8, pp. 74—86]. Но также очевидно, что мемы могут быть инструментом визуальных и вербальных манипуляций. В качестве примера сошлемся на исследование политическо-

го контента. В частности, анализ веб-страницы Британской национальной партии (British National Party) на Facebook показал, что производство сфабрикованных картинок (в том числе фото и мемов) — это практика, которая характерна и для властных структур [6. Pp. 154—179].

Общая стратегия реагирования на микроформаты в условиях смысловой дифракции может эффективно работать в рамках образования. В педагогике, например, уже накоплен значительный опыт использования Интернет-мемов для обучения. В недавнем прошлом даже появилось исследование о мемах для маленьких детей. Исследователи утверждают, что мем-культура помогает детям, покидающим дом и переходящим в детские учреждения, адаптироваться к изменившимся условиям жизни [10]. Мемы используются в качестве стимулирующего и мотивирующего инструментария для обучения. Однако, имеет смысл использовать мемы в качестве основного предмета для расшифровки культурных, политических, идеологических и другие кодов. Практика демифологизации хорошо известна лингвистам, социологам, социальным философам. На данный момент, к сожалению, у цивилизованных обществ еще не сложилась практика интеграции мемов (и других микроформ) в образование как основных объектов для аналитики.

Список источников

1. Барбрук Р. Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму. М. : Ad Marginem, 2015. 128 с.
2. Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество: сборник. М. : АСТ, 2004. 509 с. С. 349—354.
3. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
4. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге : сборник. М. : Высшая школа, 1991. С. 102—111.
5. Hargittai E., Micheli M. Internet Skills and Why They Matter // Society and the Internet: How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives. Oxford University Press. 2019. Pp. 109—124.
6. Klein O. Misleading memes: The effects of deceptive visuals of the British national party // Partecipazione e Conflitto. 2020. Vol. 13, iss. 1. Pp. 154—179.
7. Miliou O., Angeli C. Measuring the Internet Skills of Gen Z Students in Higher Education: Validation of the Internet Skills Scale in University Settings // Conference: Seventh International Conference on Higher Education Advances. 2021. Pp. 1359—1368.
8. Troshchenkova E.V. Memes as tool for deconstructing media manipulation // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2022. Iss. 2. Pp. 74—86.
9. Van Deursen, Alexander J.A.M., Van Dijk, Jan A.G.M. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2011. № 13 (6). Pp. 893—911.
10. Westbrook F., Hunkin E., White J. Lost in translation: An experiment with memes for research translation in Australian early childhood education and care (ECEC) contexts: Research translation // Video Journal of Education and Pedagogy. 2021. Vol. 65, iss. 3.

References

1. Barbruk R. Internet-revoljucija: ot kapitalizma dotkomov k kiberneticheskomu kommunizmu [The Internet Revolution: From Dot-com Capitalism to Cybernetic Communism]. Moscow: Ad Marginem; 2015. 128 p. (In Russ.).
2. Barlou D. Deklaracija nezavisimosti kiberprostranstva [A Declaration of the Independence of Cyberspace]. Moscow: AST; 2004. 509 p. (In Russ.).
3. Virno P. () Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni [Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow: Ad Marginem; 2013. 176 p. (In Russ.).
4. Hajdegger M. (1991) Razgovor na proselochnoj doroge. Moscow, Vysshaja shkola. 192 p. (In Russ.).
5. Hargittai E, Micheli M. Society and the Internet: How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives, 2019. Pp. 109—124. doi 10.1093/oso/9780198843498.003.0007.
6. Klein O. Partecipazione e Conflitto. 2020;1(13):154—179. doi 10.1285/i20356609v13i1p154.
7. Miliou O, Angeli C. Seventh International Conference on Higher Education Advances. Noscow; 2021. Pp. 1359—1368. doi 10.4995/HEAd21.2021.13070.
8. Troshchenkova EV. *Voprosy Kognitivnoj Lingvistiki*. 2022;2:74-86. doi 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86.
9. Van Deursen, Alexander JAM, Van Dijk, Jan AGM. *New Media & Society*. 2011;13(6):893-911, doi 10.1177/1461444810386774.
10. Westbrook F., Hunkin E., White J. *Video Journal of Education and Pedagogy*. 2021;3(65). doi 10.1163/23644583-bja10019.

Сведения об авторе

А. А. Дыдров — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

Information about author

A. A. Dydrov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.